

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470.3)''1945/1953''+322.281.93

КАЛИНИНСКАЯ ЕПАРХИЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1953 ГГ.)

Т. Г. Леонтьева

Тверской государственной университет, кафедра отечественной истории,
Тверь, Россия

В статье рассматривается организация внутрицерковной и приходской жизни после так называемого перелома в государственно-церковных взаимоотношениях на примере Калининской епархии. На основе анализа малоизвестных документов, отложившихся в тверском епархиальном архиве, автор раскрывает суть противоречивых процессов, характерных для православного сообщества в послевоенный период. Наряду с некоторыми позитивными переменами: восстановлением приходской системы, организацией социальной поддержки заштатного духовенства, постепенным расширением гражданских прав верующих, отмечаются проблемы, связанные с нехваткой храмов, дефицитом кадров служащего духовенства, скудным денежным содержанием, обрывочным образованием священников, внутриприходскими конфликтами, так называемой лжедуховностью. Представляется, что подобные противоречия провоцировали светскую власть на вмешательство во внутренние дела церкви.

Ключевые слова: Калининская епархия, приходская система в СССР, социальная поддержка духовенства, государственно-церковные взаимоотношения.

В современной историографии послевоенной церковной истории по-прежнему доминируют труды, отражающие перипетии государственно-церковных отношений¹, коллизии, связанные с неожиданным «обретением» православной церковью права на возрождение², а также оценки столь

¹ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999; Куроедов В. А. Религия и церковь в советском государстве. М., 1981; Курляндский И. А. Сталин, власть, религия. М., 2011; Одинцов М. И. Вероисповедная политика советского государства в 1939–1958 гг. // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. М., 2003 и др.

Shkarovskii M. V., *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' pri Staline i Khrushcheve (Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 godakh)*, М., 1999; Kuroedov V. A., *Religiya i tserkov' v sovetskom gosudarstve*, М., 1981; Kurlyandskii I. A., *Stalin, vlast', religiya*, М., 2011; Odintsov M. I., *Veroyispovednaya politika sovetskogo gosudarstva v 1939–1958 gg.*, *Vlast' i tserkov' v SSSR i stranakh Vostochnoi Evropy. 1939–1958*, М., 2003 i dr.

² Одинцов М. И., Чумаченко Т. А. Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния 1943–1965 гг. СПб., 2013.

неожиданного решения руководства СССР, близкие к официальным репрезентациям³. Однако епархиальные практики после «перелома» 1943 г. как самостоятельный объект исследования как-то ускользают от внимания историков – за исключением отдельных сюжетов, встречающихся в контексте иных проблем⁴. Между тем короткий так называемый послевоенный период состоит из противоречивых процессов отнюдь не конструктивного свойства (применительно к Калининской епархии см.: Т. Г. Леонтьева. Церковная повседневность эпохи позднего сталинизма в провинциальном измерении // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953. М., 2015. С. 6–16).

Общеизвестно, что сентябре – октябре 1943 г. Русская православная церковь (далее – РПЦ) «большевистскими темпами» восстановила свои статусы, утраченные в соответствии с декретами 1917–1918 гг. и репрессиями 1930-х гг. Вызволненные из лагерей чудом выжившие митрополиты и епископы 8 сентября на поспешно созванном Архиерейском соборе избрали патриархом Московским и всея Руси митрополита Сергия (Страгородского) и с «благословения» светской власти приступили к восстановлению епархиально-приходской системы. В значительной степени этому способствовала утрата интереса светской власти к обновленческим деятелям, что обернулось массовым возвращением «отщепенцев» в патриаршую церковь⁵. Выборы патриарха приветствовались духовенством даже на оккупированных территориях. В частности, в так называемом прибалтийском Экзархате (территория Литвы, Латвии и Эстонии) действовало распоряжение экзарха митрополита Сергия (Воскресенского) упоминать имя Первосвященителя в богослужениях⁶ – это обстоятельство свидетельствовало о расшире-

Odintsov M. I., Chumachenko T. A., *Sovet po delam Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi pri SNK (SM) SSSR i Moskovskaya patriarkhiya: epokha vzaimodeistviya i protivostoyaniya 1943–1965 gg.*, SPb., 2013.

³ Васильева О. Ю. Внешнеполитическая деятельность Русской православной церкви в первые послевоенные годы // Историко-религиоведческие исследования. 2014. № 1. С. 145.

Vasil'eva O. Yu., *Vneshnepoliticheskaya deyatel'nost' Russkoi pravoslavnoi tserkvi v pervye poslevoennye gody*, Istoriko-religiovedcheskie issledovaniya, 2014, № 1, S. 145.

⁴ Напр.: Федотов А. А. Русская православная церковь в 1943–2000 годах (по материалам Владимирской, Ивановской, Костромской, Московской, Тверской и Ярославской областей). Иваново, 2006; Амельченков В. Л. Смоленская епархия в годы Великой Отечественной войны. Смоленск, 2006.

Fedotov A. A., *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v 1943–2000 godakh (po materialam Vladimirskoi, Ivanovskoi, Kostromskoi, Moskovskoi, Tverskoi i Yaroslavskoi oblastei)*, Ivanovo, 2006; Amel'chenkov V. L., *Smolenskaya eparkhiya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny*, Smolensk, 2006.

⁵ Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 119; Федотов А. А. Указ. соч. С. 70.

Shkarovskii M. V., *Op. cit.*, S. 119; Fedotov A. A., *Op. cit.*, S. 70.

⁶ Гаврилин А. Современное положение Православных церквей Латвии и Эстонии // Вестник русского христианского движения (далее – РСХД). Париж – Нью-Йорк – Москва, 2001. № 1. С. 295.

нии «сферы влияния» официального православия. «Прорыв» 1943 г. был закреплен зимой 1945 г. появлением важнейшего нормативного акта – «Положения об управлении Русской православной церковью», знаменующего, по сути, обретение статуса первенствующей конфессии, восстановление ее единой организационной структуры.

Но, как известно, с конца 1948 г. власть утратила интерес к церкви и пошла на ограничение её влияния⁷. Принято считать, что колебания настроений власти в отношении РПЦ протекали в 10 этапов⁸. В данном случае речь пойдёт о начальных, ограниченных 1943–1953 гг.

Анализируя события и документы, отражающие перипетии процесса примирения церкви и государства в Калининской епархии, автор задается и иными вопросами: как столь резкие перемены соотносились с динамикой повседневной церковной жизни; что происходило на уровне приходских и епархиальных сообществ, успела ли «рядовая» паства заметить «отеческую» заботу власти о недавно поруганной церкви? И, главное, восстанавливался ли сам дух православной молитвенной культуры? В современной историографии четкого ответа на эти вопросы нет, хотя соответствующему периоду истории посвящен весьма значительный массив исследований.

Оценки событий в РПЦ в рассматриваемый период стали появляться «по горячим следам», но они формировались на основе этатистского подхода, что сводилось в итоге к демонстрации устойчивости и всемогущества власти, способной влиять на церковные институты и, главное, «справедливо» регулировать вопросы веры⁹. Только в постсоветской историографии события 1943 г. и последующих пяти-семи лет рассматриваются в дискурсе «позднего сталинизма» и оцениваются как «нормализация» и «переломный период» во взаимоотношениях государства и церкви¹⁰. Некоторые авторы используют и такие характеристики, как «новый курс»¹¹, «примирение», и даже «малое возрождение».

Гораздо сдержаннее высказываются представители церковной историографии: так, известный историк протоиерей В. Цыпин использовал непривычный для отечественной историографии термин «конкордат», но с оговоркой о неравноправии сторон¹².

Gavrilin A., *Sovremennoe polozhenie Pravoslavnykh tserkvei Latvii i Estonii*, Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniya (dalee – RSKhD), Parizh – N'yu-Iork – Moskva, 2001, № 1, S. 295

⁷ Васильева О. Ю. Указ. соч. С. 145.

Vasil'eva O. Yu., *Op. cit.*, S. 145

⁸ См.: Шкаровский М. В. Указ. соч.

Shkarovskii M. V., *Op. cit.*

⁹ Куроедов В. А. Указ. соч. С. 84, 101.

Kuroedov V. A., *Op. cit.*, S. 84, 101

¹⁰ Васильева О. Ю. Указ. соч. С. 124.

Vasil'eva O. Yu., *Op. cit.*, S. 124.

¹¹ Курляндский И. А. Указ. соч. С. 576–577.

Kurlyandskii I. A., *Op. cit.*, S. 576–577.

¹² Цыпин В., *прот.* История русской церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 302–303.

Tsypin V., *prot.*, *Istoriya russkoi tserkvi. 1917–1997*, М., 1997, S. 302–303.

Пытаясь объяснить столь «неожиданный» поворот власти к компромиссу с РПЦ, исследователи ссылались на реакцию сталинского руководства на немецкие акции пооткрытию церковей на оккупированных территориях, писали и о попытке использовать «энергию религиозной веры» для укрепления авторитета «вождя». Некоторым авторам хотелось видеть в произошедшем своего рода «воздаяние» за патриотическую деятельность РПЦ¹³: общеизвестно, что уцелевшие от репрессий её служители не только сражались на фронте, но и служили в советской контрразведке¹⁴. Однако при этом преобладало стремление аргументировать события попыткой использования церкви для укрепления позиций СССР в Восточной Европе и в противостоянии с Западом¹⁵. Впрочем, в зарубежной эмигрантской историографии события 1943 г. расцениваются как сделка между Сталиным и руководством РПЦ, которые обрели взаимные обязательства поддерживать интересы друг друга¹⁶. Вряд ли возможно однозначно объяснить столь выразительный поворот власти навстречу репрессированной православной церкви, но историки продолжают искать ответы, что умножает перечень трудов о государственно-церковных отношениях. Представляется, что продуктивный поиск должен базироваться на основе анализа региональных (епархиальных) практик, ибо на низовом уровне с предельной чёткостью высвечиваются все перипетии восстановления церкви и веры в СССР. В данной статье представлен один из вариантов развития событий на примере Калининской области / епархии.

В рассматриваемый период епархия имела различную конфигурацию и носила названия: в 1943–1944 гг. – Калининская и Смоленская, в 1944–1950 – Калининская и Великолукская, с 1950 г. – Калининская и Кашинская. Однако нестабильность административных границ не сказалась на состоянии документальной базы не только государственных (центральных и областных), но и епархиальных архивов. В последнем, кроме «официальных» текстов (отчётов, смет и другой делопроизводственной докумен-

¹³ Куроедов В. А. Указ. соч. С. 101.

Kuroedov V. A., *Op. cit.*, S. 101.

¹⁴ Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 181, 182, 190.

Sudoplatov P., *Razvedka i Krem'l'. Zapiski nezhelatel'nogo svidetelya*, М., 1996, S. 181, 182, 190.

¹⁵ Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 9; Волокитина Т. В. Восприятие советской модели государственно-церковных отношений в восточно-европейских странах православной традиции после Второй мировой войны // Славянский альманах. 2007. М., 2008. С. 163; Куроедов В. А. Указ. соч. С. 101; Васильева О. Ю. Указ. соч. С. 124.

Shkarovskii M. V., *Op. cit.*, S. 9; Volokitina T. V., *Vospriyatie sovetskoi modeli gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenii v vostochno-evropeiskikh stranakh pravoslavnoi traditsii posle Vtoroi mirovoi voiny*, Slavyanskii al'manakh, 2007, М., 2008, S. 163; Kuroedov V. A., *Op. cit.*, S. 101; Vasil'eva O. Yu., *Op. cit.*, S. 124.

¹⁶ См., напр.: Василий (Кривошеин), архиеп. Последние встречи с митрополитом Николаем // РСХД. Париж – Нью-Йорк – Москва, 1976. № 117. С. 209 и др.

Vasilii (Krivoshein), arkhiep., *Poslednie vstrechi s mitropolitom Nikolaem*, RSKhD, Parizh – N'yu-Iork – Moskva, 1976, № 117, S. 209 i dr.

тации), содержится масса «писем во власть» (епископу, уполномоченному по делам религий в Калининской области, в Совет по делам религиозных культов в Москву и т. п.) и прочих источников личного происхождения. Епархиальные отчеты в рассматриваемый период составлялись по специальной инструкции/схеме, утвержденной Св. синодом; от составителей требовались точность, аккуратность, полнота сведений. Следует отметить, что по Калининской епархии и церквам они сохранились достаточно полно за 1945–1952 гг. в государственном архиве Тверской области (ГАТО). Инструктивные письма из вышестоящих церковных инстанций, которые также привлекались к исследованию, из года в год полны претензий к уполномоченным из-за качества оформления отчетной документации и содержащейся в ней информации. Как правило, местные начальники, стремясь обладать максимально полной информацией и контролировать ситуацию в вверенном им регионе, добывая сведения, превышали полномочия. Так, например, Совет по делам религий запрещал требовать от духовенства предоставления данных по «совершению треб, состоянию церковной кассы и т. д.», персональной отчетности епископов, считая их изначально «весьма сомнительными»¹⁷, но именно эти документы в настоящее время позволяют историку существенно расширить документальную базу исследований.

Анализ комплекса источников, отражающих положение дел в Калининской епархии, показывает, что на местах протекали весьма противоречивые процессы, заметно отличающиеся от «официальной» (и воспроизводимой историками) картины религиозной жизни. Следует отметить, что конфессиональное пространство Калининской епархии к началу Великой Отечественной войны значительно сузилось – сказывались результаты предвоенной репрессивной политики. Фактически уничтоженной оказалась приходская система, и, соответственно, распался контингент практикующих священников: к началу 1940-х гг. на всей территории осталась лишь сотая доля действующих ранее церквей и настоятелей (до революции 1917 г. в Тверской епархии действовали 1 204 церкви и 1200 священников¹⁸). Выявить абсолютную численность контингента верующих не представляется возможным, но совершенно очевидно, что в годы войны вера вернулась в советскую повседневность¹⁹. Согласно официальным данным, к началу 1944 г. в Калининской епархии уже действовали 62 церкви (в том числе 7 обновленче-

¹⁷ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. Р-2723. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–3.

State Archives of the Tver region (GATO), F. R-2723, Op. 1, D. 12, L. 2–3.

¹⁸ Тверской епархиальный статистический сборник / сост. А. Добровольский. Тверь, 1901. С. XXIV.

Tverskoi eparkhial'nyi statisticheskii sbornik, sost. A. Dobrovol'skii, Tver', 1901, S. XXIV.

¹⁹ Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999. С. 67; Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 124–125.

Chumachenko T. A., *Gosudarstvo, pravoslavnaya tserkov', veruyushchie. 1941–1961 gg.*, М., 1999, S. 67; Shkarovskii M. V., *Op. cit.*, S. 124–125.

ских)²⁰, к 1946 г. численность храмов возросла до 79 – мизерно мало относительно дореволюционного уровня, но весьма значительно по сравнению с предшествующим десятилетием²¹. Постепенно разрастался штат служащих причтов: к 1 июля 1952 г. официально зарегистрированы 79 священников, 12 дьяконов (в городах – 27:10 соответственно)²².

Налицо динамика восстановления церковной жизни: «законное» открытие церквей и приходов началось лишь в конце 1943 г., что обеспечивалось усердием и настойчивостью верующих. В Калининской области (как и ещё в 5 областях) они мгновенно отреагировали на новую «церковную» политику власти. Уже в октябре 1943 г. было подано 34 ходатайства на регистрацию приходов и открытие церквей²³. При этом процедура легализации была многоступенчатой, длительной, бюрократически сложной. Основная нагрузка в процессе подготовки документов ложилась на инициативную группу, но решением местной власти можно было отклонить просьбу верующих, усмотрев нарушение процедуры, лишь затем ходатайства поступали «наверх»: решение об открытии принималось Советом народных комиссаров, который по «объективным обстоятельствам» не готов был быстро принимать решение. Отклонение ходатайства обязывало заявителей вновь пройти весь «маршрут».

Известно, что такая хитроумная комбинация – уступка атеистическому лобби в ВКП(б). Но, как водится, на местах читали и толковали законы «по-своему», и в ряде районов церкви открывались по постановлениям районных исполнительных комитетов, а то и вовсе самовольно, без санкции властей²⁴. Данные по Верхнему Поволжью за 1944–1945 гг. свидетельствуют, что власти удовлетворили около 5 % запросов на открытие храмов²⁵. Иные церкви-приходы добивались легализации годами. Например, по данным на 1952 г., жители сел Никола Высока Вельского района, Мицино Краснохолмского района, Негодяево Конаковского района хлопотали в течение 8 лет, больше «повезло» прихожанам храма в селе Оковцы Кировского района им понадобилось ожидать 7 лет²⁶. При этом в каждом

²⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13. Л.101–103.

State Archive of the Russian Federation (GARF), F. 6991, Op. 2, D. 13, L.101–103.

²¹ ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

GATO, F. R-2723, Op. 1, D. 7, L. 6.

²² Там же. Д. 12. Л. 29.

Ibid, D. 12, L. 29.

²³ Чумаченко Т. А. Указ. соч. С. 68.

Chumachenko T. A., *Op. cit.*, S. 68.

²⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 99.

GARF, F. 6991, Op. 2, D. 13, L. 99.

²⁵ Федотов А. А. Указ. соч. С. 91.

Fedotov A. A., *Op. cit.*, S. 91.

²⁶ ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 1. Д. 12. Л. 24.

GATO, F. R-2723, Op. 1, D. 12, L. 24.

упомянутом районе действовали по 1–2 храма, удалённых друг от друга на десятки километров.

Тем не менее к концу 1946 г. в Калининской области числилось действующими уже 113 церквей (из них 15 городских, 95 – сельских, 3 собора), однако в 11 из них богослужение не проводилось из-за отсутствия священника²⁷. В отчёте уполномоченному Совету по делам религий при СНК СССР при облисполкоме Калининской области В. И. Хевронову к середине 1947 г. управляющий епархией епископ Арсений сообщал о 98 храмах²⁸. Снижение численности объясняется постепенным наступлением власти на права верующих и связанными с ним осторожными решениями вопросов регистрации новых общин, так, течение 1949 г. не было открыто ни одного храма²⁹.

Между тем к январю 1949 г. на территории области обрели относительно четкие очертания 14 благочиннических округов³⁰, но 12 районов области по-прежнему оставались без регулярных богослужений³¹. Столь странная ситуация сложилась не случайно. Светская власть, пытаясь «подморозить» активность верующих, ловко использовала фактор времени: пока тянулась бюрократическая волокита священники уходили в другие приходы, меняли место жительства, наконец, происходила «естественная убыль» – иные умирали так и не дождавшись конкретных решений. А в соответствии с законодательством, если в храме в течение шести месяцев не было службы и священника, его закрывали – только в 1949–1951 гг. сняли с регистрации 18 церквей, в последующем 1952 г. поставили на снятие ещё 7. В первом квартале 1952 г. в Калининской области состояло на учете 80 действующих церквей, но службы проводились лишь в 67, в 13 – не было духовенства³².

При этом надо заметить, что по Калининской области, «где проявлялась большая активность верующих» (по преимуществу скандальных жалобщиков) снимать церкви с регистрации рекомендовалось лишь в исключительных случаях³³. Однако случалось, что отказы по возобновлению некогда снятых с учета церквей подписывал сам архиепископ, мотивируя свои действия тем, что «ходатайствуют об этом лица материально заинте-

²⁷ Тверская епархиальная научная библиотека. Архивный отдел (далее – ТЕНБ АО). Ф. 2. Д. 168. Л. 1.

Tver Diocesan Scientific Library. Archival department (TENB AO), F. 2, D. 168, L. 1.

²⁸ Там же. Д. 9. Л. 17–19 об.

Ibid, D. 9, L. 17–19 об.

²⁹ ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 1. Д. 19.

ГАТО, Ф. Р-2723, Оп. 1, Д. 19.

³⁰ ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 167. Л. 32.

TENB AO, F. 2, D. 167, L. 32.

³¹ Там же. Л. 12.

Ibid, L. 12.

³² ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.

ГАТО, Ф. Р-2723, Оп. 1, Д. 12, Л. 5.

³³ ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 1. Д. 12. Л. 20–21.

ГАТО, Ф. Р-2723, Оп. 1, Д. 12, Л. 20–21.

ресованные и что верующих вокруг этих церквей не осталось». Тогда просящие не стеснялись обращаться напрямую к патриарху, и случалось, что отказные решения пересматривались³⁴.

Уполномоченный по региону (в это время – В. И. Хевронов) оказался в щекотливой ситуации. Руководство УМГБ по Калининской области открыто его обвиняло в «преднамеренном невыполнении служебных обязанностей», другими словами, в неспособности усмирить верующих и попов, а московское начальство настоятельно рекомендовало ему «не раскачивать ситуацию» и бороться с религией «другими методами»³⁵.

Наряду с проблемой открытия храмов в послевоенный период обозначилась не менее важная, связанная со штатом духовенства. К началу 1946 г. в Калининской епархии насчитывалось 122 православных священника с разрешением на служение – целая армия в сравнении с началом 1940-х гг. Но что представлял собой этот контингент?

Комплектование штатов велось различными способами: кто-то возвращался на службу из светских профессий, а кто-то – из лагерей, появились и новообращенные (рукоположенные) пастыри. Критерии отбора довоенного времени выдерживать не удавалось: лишь 47 % священников имели среднее образование, 1,5 % – высшее, остальные (32,3 %) – начальное³⁶. Возрастные настоятели, как правило, получили в своё время семинарское образование, у молодых в лучшем случае за плечами оказывались 2–3 класса начальной школы³⁷. Дьяконов практически не было, псаломщиками служили бывшие монахи, сведущие в особенностях богослужения старухи, реже – жёны священников³⁸. Руководство епархии не могло не беспокоить отсутствие ресурса для пополнения штатов: пастырские курсы, как в других епархиях, открыть не удавалось, дефицит помещений не позволял проводить даже епархиальные съезды, где ранее обсуждались проблемы воспроизводства служащего духовенства.

Кроме постоянно действующих причтов, богослужебные и храмовые нужды в епархии по штату обслуживали более 600 чел. (регентов, певчих, уборщиц, сторожей), но при этом по приходам они распределялись неравномерно, где-то приходилось обходиться даже без певчих³⁹. В целом ситуация типична для всего конфессионального пространства СССР, в это время дефицит церковных кадров отмечался повсеместно, даже в высшем

³⁴ ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.

ГАТО, Ф. Р-2723, Оп. 1, Д. 12, Л. 7.

³⁵ Там же. Л. 21.

Ibid, L. 21.

³⁶ ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 168. Л. 107.

TENB AO, F. 2, D. 168, L. 107.

³⁷ Там же. Д. 167. Л. 80 об., 118; Д. 12. Л. 13.

Ibid, D. 167, L. 80 ob., 118; D. 12, L. 13.

³⁸ Там же. Д. 167. Л. 119; Д. 12. Л. 177–178; Д. 104. Л. 67; Д. 170. Л. 112 об.

Ibid, D. 167, L. 119; D. 12, L. 177–178; D. 104, L. 67; D. 170, L. 112 ob.

³⁹ Подсчитано по: ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 9. Л. 86–90.

TENB AO, F. 2, D. 9, L. 86–90.

эшелоне управленцев. Например, только в 1946 г. из 83 епархий 17 оставались даже без правящего архиерея⁴⁰.

Что представляли собой священники «нового призыва», насколько авторитетны они оказались для новообращенной паствы? Анализ послужных списков показывает, что к служению приступил весьма разнообразный контингент. Кто-то возвращался на прежние места после амнистии 1943 г., кто-то перемещался в Калининскую область из других епархий (Киевской, Московской, Новгородской, Орловской, Оренбургской, Пермской, Полтавской, Тамбовской, Ярославской), иные выходили «из подполья», переставая скрывать священнический сан. Словом, на служении оказались и мировоззренчески «правильные» батюшки (традиционалисты), и спешно воцерковившиеся уже в СССР (типичные выразители так называемого «народного православия»). Все так или иначе были задеты событиями 1930–1940-х гг.: репрессиями, закрытием храмов, безработицей. Многие участвовали в военных действиях в рядах Красной армии⁴¹. Несмотря на травмированную психику, основной контингент вернулся к службе по призванию, о чём свидетельствуют характеристики настоятелей и отзывы прихожан⁴². Судя по биографиям, явное предпочтение при найме отдавалось тем, кому удалось избежать судимости и искуса обновленчества⁴³. Однако обстоятельства вынудили епархиальное управление принять на службу судимых, скомпрометированных пребыванием в плену или на оккупированных территориях (всего – 42 чел.)⁴⁴.

Формально в епархии сформировался ресурс для возобновления полноценной церковной жизни. Но эйфория начального периода быстро сменилась горькими разочарованиями. Епархиальный епископ отмечал в одном из отчётов: «Низкий культурный уровень духовенства весьма вредно отражается на пастырской деятельности (нетрезвое поведение, неуставное совершение богослужений и треб). Многих священников, несмотря на их компрометирующее священнический сан поведение, приходится держать на службе только потому, чтобы не оставить приход совершенно без пастыря (хотя бы и плохого)»⁴⁵. Более того, со слов уполномоченного Хевро-

⁴⁰ Одинцов М. И., Чумаченко Т. А. Указ. соч. С. 146.

Odintsov M. I., Chumachenko T. A., *Op. cit.*, S. 146.

⁴¹ ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 12. Л. 20, 24, 31, 139; Ф. 1. Д. 116. Л. 121.

TENB AO, F. 2, D. 12, L. 20, 24, 31, 139; F. 1, D. 116, L. 121.

⁴² Там же. Ф. 1. Д. 116. Л. 285; Ф. 2. Д. 104. Л. 29.

Ibid, F. 1, D. 116, L. 285; F. 2, D. 104, L. 29.

⁴³ См., к примеру: ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 24/б. Л. 4, 8.

TENB AO, F. 2, D. 24/b, L. 4, 8.

⁴⁴ ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 1. Д. 12. Л. 29–46.

GATO, F. R-2723, Op. 1, D. 12, L. 29–46.

⁴⁵ ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 168. Л. 41; Д. 12. Л. 20; Трофимчук М. Х. Академия у Троицы. Воспоминания. 1944–2004. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005. С. 108, 109, 112, 117, 170, 175.

TENB AO, F. 2, D. 168, L. 41; D. 12, L. 20; Trofimchuk M. Kh., *Akademiya u Troitsy. Vospominaniya. 1944–2004. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra*, 2005, S. 108, 109, 112, 117, 170, 175.

нова, случаи алкогольного «искушения» отмечались в повседневной жизни самого архиепископа (с 1950 г.) Алексия (в миру: Сергеев Виктор Михайлович, 1899 г.р.)⁴⁶.

Известно, что ортопраксическая составляющая веры так и не утвердилась в российском православном сообществе и в дореволюционный период. Но в рассматриваемый период произошла своего рода «инверсия девиаций»: порой не только верующие, но и сами священники оказывались нарушителями церковной дисциплины. Так, в пространстве, ориентированном на православные ценности, наряду с теми, кто «благочестно и добросовестно относились к своим обязанностям», оказались пришедшие в церковь «не ради Бога, а только для формы», хуже прихожан помнящие «уставную службу»⁴⁷. В некоторых случаях отмечались откровенно эпатажные выходы священников, например, посещение ресторанов или «явка к епископу в пьяном виде», «сильное табакокурение», а то и вовсе «жизнь нехристианским браком»⁴⁸. Что означало подобное самовыражение, трудно сказать, но совершенно очевидно, что «заявленная вера» в данном случае выглядела весьма сомнительно и оборачивалась отказами (!) прихожан посещать церковь. Такой случай был отмечен в селе Красное Новоторжского района, где священник Беневоленский, со слов жалобщиков уполномоченному, напивался до беспамятства, валялся пьяным в канаве, служил нетрезвым, несколько раз терял крест, а на претензии церковного старосты и прихожан отвечал кулаками⁴⁹.

Вопреки неписаному правилу – сохранять контингент, в епархии случались отрешения от должности за ненормативное поведение с запрещением служения, а то и вовсе с понижением в чине⁵⁰. Так, дьякон В. А. Дроздов лишился места за систематические «неявки на службу»⁵¹, дьякон А. В. Рабинович (село Котлованово, Бологовский район) был уволен за «нетрезвое поведение», в городе Бологое протоирея Колесникова отстранили за «антипастырскую и противоцерковную деятельность», дьякона той же церкви И. П. Шишкова выгнали за «самовольные отлучки с места службы»⁵², а священника Молчанова лишили сана за двоеженство⁵³.

⁴⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 635. Л. 22–23; ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 1. Д. 12. Л. 56–58.

State Archive of the Russian Federation (GA RF), F. 6991, Op. 1, D. 635, L. 22–23; GATO, F. R-2723, Op. 1, D. 12, L. 56–58.

⁴⁷ ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 167. Л. 5, 80 об.; Д. 168. Л. 302 об.

TENB AO, F. 2, D. 167, L. 5, 80 ob.; D. 168, L. 302 ob.

⁴⁸ Там же. Д. 12. Л. 84, 113, 123, 135, 172; Д. 168. Л. 347.

ibid, D. 12, L. 84, 113, 123, 135, 172; D. 168, L. 347.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 6991. Д. 635. Л. 38–39.

GARF, F. 6991, Op. 1, D. 635, L. 38–39.

⁵⁰ ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 176. Л. 6 об., 9 об., 11 об., 15.

TENB AO, F. 2, D. 176, L. 6 ob., 9 ob., 11 ob., 15.

⁵¹ Там же. Л. 14.

Ibid, K. 14.

⁵² Там же. Л. 15.

Не случайно в иных только созданных церковных советах возникло противостояние между настоятелями и паствой, причиной которого, как правило, становилось хищение средств⁵⁴. Верующие села Селихово Конаковского района жаловались, что священник смотрит на церковь, как «на дойную корову», запуская руку в приходскую кассу, игнорируя церковный совет и ревизионную комиссию, им вторили прихожане из села Козлово Завидовского района⁵⁵. Известны случаи, когда священники скрывались с места жительства, прихватив с собой церковную кассу, или «недовозили» денежные средства в епархиальное управление⁵⁶.

Но, строго говоря, уполномоченного по делам религий вряд ли всерьёз огорчали такие «слабости» служителей культа. Его больше беспокоили «правильные» попы, они докучали своей активностью, нацеленной на «укрепление авторитета» и расширение влияния на советских граждан. Так, священник Волобуев (село Мартыново, Овиницкий район) выдал погорельцам соседнего села по 100 руб. из церковной кассы; в селе Новое Каменского района колхозники вместе с членами причта своими силами почистили пруд, а воду провозгласили святой; настоятель прихода в селе Матвеево Спировского района (М. И. Белов) в 1950 г. радиофицировал церковь и служил по праздникам на всю округу, регулярно крестил детей, провожал покойников отпеванием и иконами от дома до кладбища. Белов позиционировал себя «советским священником», поскольку 25 лет служил бухгалтером на советских предприятиях, знал законы и жаловался «на притеснения» и ограничение прав (сам и через актив) не патриарху, а председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Швернику, что значительно ускоряло рассмотрение жалоб. Несколько городских священников приобрели автомобили и разъезжали не только по городу, но и близ лежащим деревням – служили молебны, отпевали, крестили, не считая подобную форму агитации прегрешением против атеистических устоев советского государства⁵⁷.

В разных районах области нашлись священники-правдолюбцы, которые, ощутив пренебрежение власти, пытались заявить о своих претензиях на справедливость. Так, священника села Новое Каменского района причислили к крестьянам-единоличникам и обязали сдавать государству продукты сельского хозяйства. Местная власть признала действия уполномоченного по заготовкам правильными, но не убедила жалобщика. Его мно-

ibid, L. 15.

⁵³ ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 1. Д. 12. Л. 29.

ГАТО, Ф. Р-2723, Оп. 1, Д. 12, Л. 29.

⁵⁴ ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 167. Л. 5, 6, 7.

ТЕНВ АО, Ф. 2, Д. 167, Л. 5, 6, 7.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 326. Л. 23–24.

ГА РФ, Ф. 6991, Оп. 1, Д. 326, Л. 23–24.

⁵⁶ ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 167. Л. 9, 85; Д. 12. Л. 133.

ТЕНВ АО, Ф. 2, Д. 167, Л. 9, 85; Д. 12, Л. 133.

⁵⁷ ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 1. Д. 12. Л. 31–34.

ГАТО, Ф. Р-2723, Оп. 1, Д. 12, Л. 31–34.

гочисленные «письма во власть» разных уровней так надоели уполномоченным по делам религий, что епархиальный владыка счел за благо удалить его с прихода за штат. С прихожанами, которые тут же бросились за разъяснениями к уполномоченному, разговор был коротким: действия владыки, даже если они сомнительны, не рассматриваются представителями светской власти⁵⁸. Подобные уловки не раз применялись для разрешения щекотливых вопросов. Архиепископов не случайно наделили «правом вето» для удаления за штат непокорных попов⁵⁹. Жалобы верующих на произвол архиепископа уполномоченный переадресовывал... архиепископу. Конечно, «соотношение сил» противоборствующих сторон было неравным, недовольство не только не приносило желаемых результатов, но и дискредитировало жалобщика. Совершенно очевидно, что во вновь сложившейся иерархии священнику отводилась отнюдь не первостепенная роль, и в этом смысле уместна аналогия с его статусами в имперской России.

Между тем потребность в церковном ритуале и его исполнителях среди населения возрастала. Среди треб преобладали крещения не только младенцев, но и молодых людей обоего пола, женское исповедничество. Почти ежедневно священников вызывали на дом к больным, на отпевание покойных. 2–3 раза в год власть позволяла проводить крестные ходы, и народ собирался, поскольку подобные «мероприятия», как правило, были приурочены к церковным праздникам⁶⁰. Но венчаний, молебнов на дому было очень мало, а причастников попросту не хватало⁶¹. Вместе с тем (со слов благочинных) всё сказанное относилось по преимуществу к сельским практикам, а «городские жители – большинство коммунисты и неверующие»⁶².

Разрыв между предписаниями светских и духовных властей, поведением рядовых священников и потребностями паствы был очевиден. Благочинные в своих отчетах единодушно отмечали, что участие прихожан в церковной жизни ограничивалось исполнением треб, в приходские советы они входили неохотно, церковно-общественные собрания не посещали, предпочитая внебогослужебные собеседования⁶³. Жаловались они и на «текучку» в рядах церковных старост⁶⁴. Последнее не удивительно, лиц, желающих стать старостами, первоначально было в избытке – претенденты

⁵⁸ ГАТО. Ф. Р–2723. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.

ГАТО, Ф. Р–2723, Оп. 1, Д. 12, Л. 8.

⁵⁹ Там же. Л. 10–11.

Ibid, L. 10–11.

⁶⁰ ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 167. Л. 66.

TENB АО, F. 2, D. 167, L. 66.

⁶¹ Там же. Л. 95, 117, 249.

Ibid, L. 95, 117, 249.

⁶² Там же. Ф. 2. Д. 167. Л. 139.

Ibid, F. 2, D. 167, L. 139.

⁶³ Там же. Л. 95, 117, 119 об.

Ibid, L. 95, 117, 119 об.

⁶⁴ Там же. Л. 148

Ibid, L. 148.

надеялись на стабильное денежное вознаграждение и иные преференции. Однако вскоре выяснилось, этот на первый взгляд легкий труд не приносит ничего, кроме хлопот и скандалов.

Тем не менее, как уже упоминалось, верующие повсеместно добивались открытия новых храмов. По содержанию многочисленные прошения схожи – это трепетные просьбы, адресованные патриарху, Г. Г. Карпову, прокурору СССР, в Синод, их авторы сокрушались, что дети растут некрещеными, старики умирают без покаяния, вдовы и даже бывшие фронтовики нуждаются в молитве⁶⁵. Ситуация явно выходила из-под контроля «ответственных товарищей». Уполномоченный В. И. Хевронов, строго следуя предписаниям Совета по делам РПЦ, старался не допустить «расползания религиозного дурмана», но при этом опасался нарушить хрупкое перемирие с церковью. В послевоенный период как никогда часто он вынужден был колесить по районам не только накануне крупных церковных праздников, но и во время всевозможных кампаний: уборочной, посевной, лесозаготовок, хлебозаготовок⁶⁶. Впрочем, подобное поведение можно расценить и как намеренное – ведь в его отсутствие церковная жизнь замирала, никаких назначений, перемещений, регистраций не происходило. Да и находясь «при исполнении» в своём рабочем кабинете, ходатайства граждан он рассматривал так медленно, что порой просители успевали добраться до Москвы и заручиться там мнимой поддержкой в самых «высоких» инстанциях⁶⁷. Не удивительно, что практически каждое письмо «во власть» сопровождалось ругательствами в адрес Хевронова: его называли «врагом веры», «холодным евреем» и требовали наказать как саботажника высочайших решений партии⁶⁸.

Проблему дефицита храмов на местах пытались решить, внедряя новую форму служения – «по справке»: священник, получив соответствующее разрешение, мог совершать службы и исполнять требы на дому. Но уже с 1949 г. начались притеснения вполне легальных «надомников»⁶⁹. В это же время последовало наступление финансовых инспекторов, нацеленное на снятие с регистрации действующих храмов.

Всё это оборачивалось повсеместным открытием нелегальных молельных домов, появлением странствующих священников и «тёмных монашек»⁷⁰. Св. синоду ещё в апреле 1946 г. пришлось издать специальное

⁶⁵ ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 171. Л. 132, 190, 202.

TENB AO, F. 2, D. 171, L. 132, 190, 201.

⁶⁶ Там же. Ф. 2. Д. 167. Л. 11.

Ibid, F. 2, D. 167, L. 11.

⁶⁷ Там же. Ф. 2. Д. 171. Л. 190.

Ibid, F. 2, D. 171, L. 190.

⁶⁸ Там же. Ф. 2. Д. 171. Л. 50, 80.

Ibid, F. 2, D. 171, L. 50, 80.

⁶⁹ Там же. Ф. 2. Д. 167. Л. 14.

Ibid, F. 2, D. 167, L. 14.

⁷⁰ Там же. Ф. 2. Д. 168. Л. 302. об.

Ibid, F. 2, D. 168, L. 302 ob.

постановление, где запрещались «самочинные требоотправления». Но по слухам, которые циркулировали в Калининской епархии, и со слов епархиального архиерея, их «было множество... не поддающееся учету»⁷¹. Это не удивительно, не только дефицит действующих храмов, но и непосильные налоги побуждали священников отказываться от мест⁷² и служить «по требованию». Владыке приходилось угрожать непослушным священникам запрещением служения, а верующим – отлучением, но это не помогало. Примечательно, что немногие «нелегальные» священники занимались проповедничеством и лишь некоторые из них вели антисоветскую пропаганду⁷³. В основе несанкционированного служения лежали чисто коммерческие интересы: бродячие священники получали быстрый, гарантированный и не облагаемый налогами доход.

Обнаружился и ещё один весьма характерный феномен: «конкурентами» рукоположенных («настоящих») клириков становились религиозные женщины, которые в свое время умудрились припрятать и сохранить иконы, церковную утварь и даже облачения. В условиях «церковной оттепели» они извлекли все необходимые для службы атрибуты и стали собирать на дому соседок вместе помолиться, причем отнюдь не безвозмездно. Одна такая предприимчивая старушка из Брусовского района «прославилась» на всю Калининскую область. Будучи обладательницей чудотворной иконы святителя Николая, спасительная сила которой не раз проявила себя, она не только устраивала службы на дому, но и продавала самодельные свечи, лампадное масло, при этом, со слов односельчан, туго набивала свои карманы⁷⁴. Увещевания местных начальников не помогали, и приструнить её попытался сам епископ⁷⁵. Однако «блаженная Дарья» на категоричное требование сдать икону отреагировала плаксиво, но жестко: отдаст весь «инвентарь» только в «свою» приходскую церковь⁷⁶. Поведение самопровозгласившейся проповедницы раздражало односельчан, но они разделились на два враждующих лагеря: одни писали жалобы на дерзкую соседку, желая лишить её иконы и доходов, другие – хлопотали об открытии храма и доходили (в прямом смысле) до Москвы, а по возвращении на местах ссылались на обещания «самого Карпова»⁷⁷.

⁷¹ ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 167. Л. 12.

TENB AO, F. 2, D. 167, L. 12.

⁷² Там же. Ф. 2. Д. 104. Л. 12 об.

Ibid, F. 2, D. 104, L. 12 ob.

⁷³ Там же. Ф. 2. Д. 171. Л. 15–15 об.; Д. 167. Л. 179 об.–180.

Ibid, F. 2, D. 171, L. 15–15 ob.; D. 167, L. 179 ob.–180.

⁷⁴ Там же. Ф. 2. Д. 171. Л. 8–10.

Ibid, F. 2, D. 171, L. 8–10.

⁷⁵ Там же. Л. 17.

ibid, L. 17.

⁷⁶ Там же. Л. 13–15 об.

Ibid, L. 13–15 ob.

⁷⁷ Там же. Л. 12.

ibid, L. 12.

Как часто бывает в подобных случаях, среди пасомых усилился не только ритуальный, но и магический компонент веры. В Максатихинском районе в частных руках оказалась икона Скорбящей Божьей матери, в которой богомольцы также усматривали особую силу. В праздничные дни поклониться образу стекались сотни молельщиков – считалось, что здесь, кроме иконы, находится ещё и «святой источник» (кстати, прямо посреди колхозного поля). Со слов недоброжелателей-доносчиков, жаждущие чуда убогие и калеки, а также присоединившиеся к ним местные колхозники (от 200 до 2 тыс. чел. в зависимости от «статуса» мероприятия) во главе с приглашенным священником по праздникам направлялись крестным ходом к святыне и служили там молебен. Примечательно, что в данном случае все доходы поступали не попу (как полагалось по традиции), а председателю колхоза, который затем, согласно доносам, «пропивал их в узком кругу»⁷⁸.

Жалобы на «узурпацию» икон поступали также из Старицкого района⁷⁹. Чем заканчивались эти истории, установить, к сожалению, не удалось. Известно, однако, что епископ, «выявленным» нарушителям весьма недвусмысленно намекал на отлучение, но не похоже, чтобы его угрозы возымели действие.

Настороженность епископата объясняется опасениями недовольства и репрессий со стороны светских властей – строгое следование церковному уставу было залогом существования приходов. Однако верующие наивно полагали, что на местах грубо попираются их права, данные советской властью и подтвержденные Конституцией. Они также не учитывали отношения к их поведению атеистично настроенного населения, которое не всегда ограничивалось цивилизованными формами протеста. Например, развернувшаяся повсеместно борьба с храмами (!), отремонтированными верующими и ожидавшими регистрации. Дети безнаказанно били стекла, взрослые подворовывали, зафиксированы случаи агрессивной антирелигиозной пропаганды⁸⁰. В Вышнем Волочке городские власти в лучших традициях 1920-х гг. устроили рядом с храмом тир и «случайные пули» регулярно попадали то в окна, то в крышу церкви⁸¹.

Уже с 1948 г. по соответствующим доносам начались точечные аресты священников, снятие с регистрации действующих храмов, хотя до открытого противостояния было ещё далеко.

Наряду с этим в церковную повседневность возвращалась несколько подзабытая проблема взаимоотношений с сектантами и староверами. Первые (пашковцы, баптисты, чуриковцы, евангелисты) обнаружались и в областном центре – Калинин, и в двух районных городах, вторые почувство-

⁷⁸ ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 171. Л. 10–10 об.

ТЕНБ АО, Ф. 2, Д. 171, Л. 10–10 об.

⁷⁹ Там же. Л. 18, 24.

Ibid, L. 18, 24.

⁸⁰ Там же. Ф. 2. Д. 171. Л. 48, 66.

Ibid, F. 2, D. 171, L. 48, 66.

⁸¹ ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.

ГАТО, F. R-2723, Op. 1, D. 12. L. 8.

вали себя хозяевами положения в Ржеве (в свое время известном на всю Россию старообрядческом анклавом)⁸². Так случилось, что в годы войны здесь уцелело единственное каменное здание – старообрядческая Покровская церковь, и православные нового обряда вынуждены были посещать богослужения, подчиняясь старообрядческому молитвенному укладу: творить двухперстное знамение и т. п.⁸³ Там, где не удавалось зарегистрировать старообрядческую общину, верующие вынужденно заходили в «чужие» храмы⁸⁴. Порой утоление «духовного голода» оборачивалось откровенной сменой конфессиональных координат (чаще всего переходами в «старую» веру). Епархиальный владыка вынужден был признать, что может потерять паству⁸⁵.

Отмечая трудности в организации конфессиональной жизни в послевоенный период, уместно озадачиться вопросом: обнаруживаются ли какие-либо позитивные сдвиги в церковной среде? Следует отметить, что безусловным достижением «советской» церкви в конце 1940-х – начале 1950-х гг. стали существенные сдвиги в решении застарелой проблемы обеспечения заштатного служителей и членов их семей пенсией. 1 января 1948 г. был открыт Пенсионный фонд при Московской патриархии, действующий на основе «Положения о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителям Русской Православной церкви», которое гарантировало материальную поддержку престарелому духовенству с безупречной репутацией (без судимости и лишения гражданских прав). Однако средства на выплаты пенсий поступали из епархий в Москву, затем перечислялись на счета той же епархии, из них 90 % полагались пенсионерам, 10 % – на единовременные выплаты неимущим заштатным священникам и семьям умершего духовенства по усмотрению владыки⁸⁶. Средств на достаточное обеспечение всех нуждающихся было недостаточно – это осознавалось ещё при организации пенсионного фонда, поэтому припомнилась дореволюционная традиция – взимать мзду с награжденных священников и переводить ее в общую кассу. Так, за обретение сана протоиерея полагалось внести 500 руб., при получении палицы – 800 руб., наперстного креста – 300 руб.⁸⁷

К епархиальному владыке, а то и сразу в Пенсионный комитет при Священном синоде одно за другим хлынули прошения «нищенствующих во

⁸² ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 168. Л. 168–169.

ТЕНБ АО, Ф. 2, Д. 168, Л. 168–169.

⁸³ Там же. Ф. 2. Д. 167. Л. 11.

Ibid, F. 2, D. 167, L. 11.

⁸⁴ Там же. Ф. 2. Д. 168. Л. 216., 312 об.

Ibid, F. 2, D. 168, L. 216, 312 ob.

⁸⁵ Там же. Ф. 2. Д. 167. Л. 11; Ф. 2.192. Д. 24. Л. 18.

Ibid, F. 2, D. 167, L. 11; F. 2.192, D. 24, L. 18.

⁸⁶ Там же. Ф. 2. 192. Д. 24. Л. 1–2.

Ibid, F. 2, 192, D. 24, L. 1–2.

⁸⁷ Там же. Д. 24. Л. 10.

Ibid, D. 24, L. 10.

имя Христа»⁸⁸. Материалы Калининской епархии показывают, что среди ходоатайствующих преобладали женщины, престарелые вдовы священнослужителей, оставшиеся без содержания и уже неспособные к труду. Длительная волокита усугублялась тем, что многие попадали в своё время предусмотрительно переменили фамилии на девичьи и тем самым обезопасили себя и детей от репрессий. Разрешение на выплаты в подобных случаях приходилось запрашивать через Пенсионный комитет в Москве⁸⁹.

Реже обращались за помощью заштатные священники. Но даже те из них, кто обладал безупречной репутацией (не уклонялся в обновленчество, не подвергался суду, не имел нареканий по храмовой службе) в редких случаях могли рассчитывать на положительный результат⁹⁰. Процедура назначения пенсии была бюрократически сложной – требовалась масса документов, подтверждающих право на выплату⁹¹. Сложнее всего оказывалось получать справки с мест служения – в послевоенный период в должности состояли те, кому не раз приходилось кочевать из епархии в епархию, менять приходы. Сохранность архивов в военный период обеспечить было очень сложно, документы расхищались, уничтожались⁹². Тем «бывшим», кому удавалось подтвердить своё право на выплату, полагалось по 100–150 руб. ежемесячно, их вдовам – по 75 руб.⁹³

Итак, документы епархиального архива выразительно свидетельствуют, что процесс «возрождения» церковно-православной приходской жизни, инициированный советской властью, оказался наполненным внутренними противоречиями и потому протекал медленно и переживался болезненно. Неожиданно обретенная «свобода» обернулась для православных, в том числе и для служителей культа, новыми регламентациями и проблемами, отягощенными последствиями пострепрессивного периода: притоком верующих, нехваткой храмов, дефицитом кадров служащего духовенства. В целом они оказались сопоставимыми с застарелыми (еще до-революционными) бедами церковного ведомства: скудным денежным содержанием, обрывочным образованием, внутрприходскими конфликтами, лжедуховностью. Власть прививала модель поведения, основанную на полном подчинении, а православные, полагая, что они выстрадали право на веру, рьяно отстаивали его. Рядовые священники в очередной раз оказались между молотом и наковальней.

⁸⁸ ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 24/б. Л. 15, 58, 67, 70, 96, 105.

ТЕНВ АО, Ф. 2, D. 24/b, L. 15, 58, 67, 70, 96, 105.

⁸⁹ Там же. Ф. 2. Д. 2.192. Л. 247.

⁹⁰ Там же. Ф. 2. Д. 24/б. Л. 4, 15, 21.

Ibid, F. 2, D. 24/b, L. 46 156 21.

⁹¹ Там же. Ф. 2. 192. Л. 3–4; 20–22.

Ibid, F. 2, 192, D. 24, L. 3–4, 20–22.

⁹² Там же. Ф. 2. Д. 24/б. Л. 54.

Ibid, F. 2, D. 24/b, L. 54.

⁹³ Там же. Л. 20; 2.192. Л. 131; Ф. 1.116. Д. б.н. Л. 1.

Ibid, L. 20; 2.192, L. 131; F. 1.116, D. b.n., L. 1.

Однако, оценивая значимость послевоенной религиозной политики советской власти, нельзя не заметить и некоторые позитивные факторы: восстановление приходской системы и института священства, социальная поддержка престарелого духовенства способствовали постепенному расширению гражданских прав верующих и консолидации православного мира.

Список литературы:

1. *Амельченков В. Л.* Смоленская епархия в годы Великой Отечественной войны. Смоленск: Смолен. обл. тип. им. В.И. Смирнова, 2006. – 192 с.
2. *Волокитина Т. В.* Восприятие советской модели государственно-церковных отношений в восточно-европейских странах православной традиции после Второй мировой войны // Славянский альманах. 2007. М.: «Индрик», 2008. – 544 с.
3. *Гаврилин А.* Современное положение Православных церквей Латвии и Эстонии // Вестник русского христианского движения. Париж – Нью-Йорк – Москва, 2001. № 1. С. 294–307.
4. *Куроедов В. А.* Религия и церковь в советском государстве. М.: Политиздат, 1981. – 263 с.
5. *Курляндский И. А.* Сталин, власть, религия. М.: Кучково поле, 2011. – 720 с.
6. *Одинцов М. И.* Вероисповедная политика советского государства в 1939–1958 гг. // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы 1939–1958. М.: изд-во ИС РАН, 2003. С. 7–68.
7. *Одинцов М. И., Чумаченко Т. А.* Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР и Московская Патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния 1943–1965 гг. СПб.: изд-во РОИР, 2013. – 384 с.
8. *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, Об-во любителей церков. Истории, 1999. – 399 с.
9. *Федотов А. А.* Русская православная церковь в 1943–2000 годах (по материалам Владимирской, Ивановской, Костромской, Московской, Тверской и Ярославской областей). Иваново: изд-во НОУ ВПО «Институт управления», 2006. – 401 с.
10. *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М.: АИРО-XX. 1999. – 246 с.
11. *Цыпин В., прот.* История русской церкви. 1917–1997. М.: изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – 697 с.

KALININ DIOCESE IN THE POSTWAR PERIOD (1945-1953 BIENNIUM)

T. G. Leontieva

The Tver' State University, the Dept of Russian History, *Tver', Russia*

In the article considered the organization of internal church and parish life after the so-called change in the state-church relations in Kalinin diocese. Based on the analysis of little-known documents deposited in Tver (Kalinin) diocesan archive, the author reveals the essence of the contradictory processes characteristic of the Orthodox community in the post-war period. Along with some positive changes: the restoration of the parish system, social support supernumerary clergy, the gradual restoration of civil rights believers, pointed out the problems associated with the lack of church buildings, clergy shortage for serving, poor monetary maintenance, fragmentary form of education of clergy, inner diocese conflicts, and so called false spirituality. It seems that these contradictions provoked secular power to intervene in the internal church affairs.

Keywords: *Kalinin diocese, the parish system in the USSR, social support of the clergy, State-church relations.*

Об авторе:

ЛЕОНТЬЕВА Татьяна Геннадьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет, (Россия, 170100, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31б), e-mail: kroneko@mail.ru

About the author:

LEONTIEVA Tat'yana Gennad'evna – The Doctor of History, The Professor, The Dept of Russian History, The Tver State University, (Russia, 170100, Tver', Trehsvyatskaya St., 16/31), e-mail: kroneko@mail.ru

References

- Amel'chenkov V. L., *Smolenskaya eparkhiya v gody Velikoi Otechestvennoi voyny*, Smolensk, Smolen. obl. tip. im. V. I. Smirnova, 2006, 192 s.
- Volokitina T. V., *Vospriyatie sovetskoj modeli gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenij v vostochno-evropejskikh stranakh pravoslavnoi traditsii posle Vtoroi mirovoj voyny*, Slavyanskii al'manakh, 2007, M., «Indrik», 2008. 544 s.
- Gavrilin A., *Sovremennoe polozhenie Pravoslavnykh tserkvei Latvii i Estonii*, Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniya, Parizh – N'yu-Iork – Moskva, 2001, № 1, S. 294–307.
- Kuroedov V. A., *Religiya i tserkov' v sovetskom gosudarstve*, M., Politizdat, 1981, 263 s.

- Kurlyandskii I. A., *Stalin, vlast', religiya*, M., Kuchkovo pole, 2011, 720 s.
- Odintsov M. I., *Veroispovednaya politika sovetskogo gosudarstva v 1939–1958 gg., Vlast' i tserkov' v SSSR i stranakh Vostochnoi Evropy 1939–1958*, M., izd-vo IS RAN, 2003, S. 7–68.
- Odintsov M. I., Chumachenko T. A., *Sovet po delam Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi pri SNK (SM) SSSR i Moskovskaya Patriarkhiya: epokha vzaimo-deistviya i protivostoyaniya 1943–1965 gg.*, SPb., izd-vo ROIR, 2013, 384 s.
- Shkarovskii M. V., *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' pri Staline i Khrushcheve. (Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 godakh)*, M., Krutitskoe Patriarshee Podvor'e, Ob-vo lyubitelei tserkov. Istorii, 1999, 399 s.
- Fedotov A. A., *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v 1943–2000 godakh (po ma-terialam Vladimirskoi, Ivanovskoi, Kostromskoi, Moskovskoi, Tverskoi i Yaroslavskoi oblastei)*, Ivanovo, izd-vo NOU VPO «Institut upravleniya», 2006, 401 s.
- Chumachenko T. A., *Gosudarstvo, pravoslavnaya tserkov', veruyushchie. 1941–1961 gg.*, M., AIRO-XX, 1999, 246 s.
- Tsy-pin V., prot., *Istoriya russkoi tserkvi. 1917–1997*, M., izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya, 1997, 697 s.

Статья поступила в редакцию 20.06.2016 г.